

Изъ размышлений о революціи

I.

Нарожденіе революціи.

Г. П. Федотовъ, сравнительно недавно вступившій «на оный путь, журнальный путь» и сразу привлечшій къ себѣ общее вниманіе блескомъ своего пера, и — Ф. А. Степунъ, давно уже пожинающій заслуженные лавры и ораторскими и литературными выступленіями, суть писатели очень интересные и въ высшей степени талантливые. Оба они пишутъ превосходно и оба платятъ довольно щедрую дань нѣкоторой общей слабости: въ ихъ писаніяхъ слишкомъ много стилистической пѣны. Пѣна, какъ извѣстно, радуется глазъ, но за то заслоняетъ собою тотъ напитокъ, ради котораго чаша подносится къ устамъ. Оба писателя — большіе мастера облекать свои аргументы въ форму великолѣпныхъ образовъ, остроумно мѣткихъ и художественно-яркихъ, и можно только порадоваться тому, что они пользуются этимъ своимъ даромъ въ широкихъ размѣрахъ. Но все же приходится отмѣтить, что въ иныхъ, — и не рѣдкихъ, — случаяхъ каждый изъ нихъ слишкомъ уже ослабляетъ возжи у своего темпераментнаго пегаса, и теряетъ надъ нимъ хозяйскую власть. Это прекрасно, когда красивый образъ или остроумный литературный оборотъ служатъ эффектной словесной одеждой для аргумента или для вывода. Но совсѣмъ уже не такъ хорошо, если аргументъ или выводъ, — незамѣтно для краснорѣчиваго автора, — замѣняется красивымъ художественнымъ образомъ. Больше всего слѣдуетъ каждому писателю опасаться стать плѣнникомъ собственнаго краснорѣчія. Мнѣ представляется, что оба названные автора недостаточно бдительно слѣдятъ за собою въ этомъ отношеніи и, если ихъ писанія по этой причинѣ выигрываютъ

въ яркости и внѣшней занимательности, то, зато они, — хотя бы и не въ той же мѣрѣ, — теряють въ доказательности и убѣдительности

Г. Федотовъ въ интереснѣйшемъ своемъ этюдѣ «Революція идетъ» — («Современныя Записки», книга 39-ая) беретъ на себя задачу выяснитъ причины постигшей Россію революціи. Чтеніе этого этюда доставляетъ читателю большое эстетическое удовольствіе. Изъ подъ пера автора сплошнымъ фонтаномъ летятъ брилліантовыя брызги мѣткихъ афоризмовъ, неожиданныхъ сопоставлений, яркихъ риторическихъ фигуръ. Все это захватываетъ и плѣняетъ, и читатель невольно отдается быстрому полету мысли автора, спѣшитъ отъ страницы къ страницѣ, и когда кончается чтеніе, ему кажется, что авторъ совершенно убѣдилъ его.

Теперь я рѣшаюсь предложить такому читателю вмѣстѣ со мною вторично пересмотрѣть статью г. Федотова, но уже не быстро, а шагъ за шагомъ, требуя отъ автора отчета въ каждомъ употребленномъ имъ литературномъ оборотѣ, въ каждомъ его утвержденіи.

Посмотримъ, что мы получимъ отъ такого опыта.

По словамъ самого автора, — при попыткѣ объяснить происхожденіе русской революціи его «честолюбіемъ было создать схему, совершенно независимую отъ до-революціонныхъ публицистическихъ направленій русской мысли». Не заключается-ли нѣкоторой внутренней порочности въ такой постановкѣ задачи? Мнѣ кажется, что всякій авторъ долженъ болѣе всего заботиться о томъ, чтобы его схема была возможно болѣе правильна, а не о томъ, чтобы она непременно была совершенно независима отъ тѣхъ или иныхъ направленій мысли.

Авторъ выставляетъ такое положеніе: — «лишь полная свобода отъ до-революціонныхъ традицій обезпечиваетъ жизненность всякой по-революціонной національной конструкціи»: О, сейчасъ это очень модно — почеркомъ пера обречь на смарку предреволюціонныя идеологии только потому, что событія пошли не тѣмъ ходомъ, какъ это намъ-бы желалось. Но вотъ что при этомъ упускается изъ виду. Если вы приступаете къ размышленію, заранѣе ставя себя самому въ обязанность мыслить во всемъ непременно на оборотъ до-революціоннымъ

традиціямъ, то вѣдь это вовсе не обозначаетъ, что вы достигли «полной свободы» отъ этихъ традицій. Это — не свобода, а связанность. Ходъ вашей мысли заранѣе предопредѣленъ этими именно традиціями только не въ смыслѣ обязательнаго съ ними согласія, а въ смыслѣ обязательнаго съ ними расхожденія. Представьте же себѣ, что то или иное въ этихъ традиціяхъ вдругъ покажется вамъ правильнымъ: все равно, вы не свободны, вы связаны рѣшеніемъ непремѣнно мыслить н а о б о р о т ъ. — «Оцѣнка недавняго прошлаго, -- говорить тутъ же г. Федотовъ, -- для автора подчинена задачѣ исканія новаго національнаго сознанія». Почему же непремѣнно — новаго? Пусть оно будетъ новымъ, пусть оно будетъ старымъ, — лишь бы оно было правильнымъ; вотъ такой критерій даль-бы дѣйствительную свободу мысли отъ предвзятыхъ положеній; что же касается боязни оказаться старомоднымъ, то это — точно такая же исключаяющая свободу мысли узда, какъ и преднамѣренная идеализація всего минувшаго.

А, впрочемъ, далѣе увидимъ, что авторъ поддается большому самообольщенію, считая себя такимъ рѣшительнымъ идеологическимъ новаторомъ. Въ дѣйствительности самъ того не замѣчая, онъ часто оперируетъ положеніями не только не новыми, но даже устарѣвшими въ своей давней и неосновательной общепринятости. Мы будемъ имѣть не разъ случай отмѣтить эту его черту при пересмотрѣ его изложенія.

Въ рядѣ главъ г. Федотовъ поочередно разсматриваетъ отдѣльныя общественныя группы до-революціонной Россіи съ цѣлью опредѣлить степень жизнеспособности каждой изъ нихъ въ дѣлѣ государственнаго строительства. На этомъ генеральномъ смотрѣ передъ нами послѣдовательно проходятъ: дворянство, бюрократія, интеллигенція, буржуазія, «новая» демократія. Авторъ производитъ всѣмъ этимъ группамъ экзаменъ въ политической жизнеспособности и всѣмъ безъ исключенія ставитъ по круглому нулю. Оказывается, что все это были — не живыя силы, а трупы. Революція произошла потому, что до-революціонный жизненный строй превратился въ какую-то сплошную фикцію, въ какой-то складъ пустыхъ орѣховъ, безъ ядеръ, съ одной скорлупой.

Бываютъ ли вообще революціи результатомъ изсякновенія жизненныхъ соковъ почти во всей странѣ, на раз-

смотрѣніи этого вопроса мы остановимся нѣсколько позже. Пока же посмотримъ, какъ авторъ устанавливаетъ процессъ омертвѣнія жизненныхъ тканей Россіи императорскаго періода.

Онъ начинается съ указанія на то, что при самомъ своемъ зарожденіи имперія основала свое бытіе на роковомъ внутреннемъ пороѣ, который заключалъ въ себѣ разлагающее смертоносное начало. Этотъ порокъ состоялъ въ абсолютномъ взаимномъ разобщеніи народной массы и руководящаго общественнаго слоя — дворянства. Указаніе это было бы въ высшей степени мѣткимъ, если бы авторъ правильно уловилъ внутренній смыслъ этого отчужденія. Но съ первыхъ же шаговъ своего анализа авторъ начинаетъ въ занимательной формѣ воспроизводить давно всѣмъ знакомыя схематическія утвержденія, которыя сводятся къ слѣдующему. Имперія породила разнь между народомъ и дворянствомъ, которой въ московскомъ царствѣ не существовало. Имперія замѣнила патріархально-религіозную идею царя, составлявшую дотолѣ общее достояніе всей массы населенія безъ различія социальныхъ низовъ и верховъ, идеей государства, какъ національно-политическаго цѣлага. Это новое «государственное» сознаніе было воспринято съ началомъ XVIII стол. только однимъ дворянствомъ, приобщившимся къ западно-европейскому просвѣщенію. Народная же масса осталась совсѣмъ чужда всякаго государственнаго сознанія.

Для народа царь былъ земной Богъ, а вовсе не носитель государственной власти. И если народъ такъ же, какъ и дворянство, служилъ имперіи, выполняя платежи и службы, то дѣлалъ онъ это совсѣмъ по иному, нежели дворянство. Для дворянина на первомъ планѣ было при этомъ «отечество» и «государство», ихъ нужды и интересы. А народъ не имѣлъ никакого понятія ни объ «отечествѣ», ни о «государствѣ» и вовсе въ этихъ понятіяхъ не чувствовалъ потребности. Онъ лилъ кровь не за отечество, а за вѣру и царя, лилъ ее только потому, что царь естъ земной Богъ и каждый его приказъ священенъ и непрекаемъ. «Это было подчиненіе по довѣрію, а не по убѣжденію», говоритъ г. Федотовъ, и народнымъ массамъ совсѣмъ не надо было вникать въ цѣли и задачи государственной жизни для того, чтобы выполнять всѣ повелѣнія царя.

Глубокое взаимное отчужденіе дворянства и народа дѣйствительно составляло опаснѣйшую червоточину въ организмъ русскаго государства, но, — мнѣ думается, — г. Федотовъ напрасно слѣдуетъ въ истолкованіи этого явленія условно-стилизованной схемѣ весьма давняго происхожденія. Въ этой схемѣ многое не отвѣчаетъ дѣйствительности. И прежде всего нсвѣрно представленіе о томъ, будто-бы государственное сознаніе составляло въ XVIII столѣтіи монополію дворянства и никто, кромѣ дворянъ, не постигалъ понятія «отечества». Отецъ русской публицистики Иванъ Посошковъ вовсе не принадлежалъ къ дворянству, а былъ торговымъ мужикомъ и по своимъ религиозно-культурнымъ воззрѣніямъ стоялъ на почвѣ традиціоннаго до-петровскаго церковнаго міросозерцанія, и все это нисколько не помѣшало ему въ своемъ замѣчательномъ публицистическомъ трактатѣ «О скудости и богатствѣ» подняться на высоту чисто-государственнаго міросозерцанія, вдвигающаго его въ ряды лучшихъ сознательныхъ послѣдователей просвѣщеннаго абсолютизма Петра Великаго. Могутъ сказать, что Посошковъ — единичное исключеніе. Однако, вскрытая въ архивахъ Милюковымъ и Павловымъ-Сильванскимъ обильная литература государственныхъ проектовъ, подававшихся со всѣхъ сторонъ Петру Великому добровольными совѣтчиками, показываетъ съ полною ясностью, что не одни только дворянскіе умы упорно размышляли тогда надъ проблемами государственной жизни, но участвовали въ этомъ занятіи, побуждаемые сознаниемъ государственныхъ потребностей, представители рѣшительно всѣхъ классовъ тогдашняго общества. Что касается государственной службы во имя идеи отечества, то и ее совершенно неправильно считать отличительной принадлежностью одного дворянства въ имперіи XVIII стол. И когда г. Федотовъ выставляетъ афоризмъ: «двѣ силы держали и строили русскую имперію — пассивная выносливость народныхъ массъ и активное военное мужество и государственное сознаніе дворянства», — то онъ опять-таки просто повторяетъ безъ критической повѣрки шаблонное общее мѣсто, кажущееся несомнительнымъ только потому, что его слишкомъ долго на всѣ лады повторяли, не справляясь съ фактами. А загляните-ка, напримѣръ, въ пренія разгорѣвшіяся въ депутатской Комиссіи 1767 г. послѣ того, какъ лидеръ дворянства кн. Щербатовъ провозгласилъ тамъ вотъ этотъ

самый афоризмъ, повторяемый теперь нашимъ авторомъ, желающимъ отмежеваться отъ всякихъ старомодныхъ направлений мысли. Когда Щербатовъ заявилъ, что одни только дворяне проливали кровь за отечество и своимъ военнымъ мужествомъ спасали честь и достоинство государства, съ депутатскихъ скамей поднялась буря негодующихъ возраженій со стороны представителей «подлыхъ» сословій и вельможному оратору возражали и разночинцы, и посадскіе торговцы, и черносозный крестьянинъ Чупровъ; возражали бы навѣрное и представители крѣпостныхъ владѣльческихъ крестьянъ, но они, какъ извѣстно, въ комиссію 1767 г. допущены не были. Итакъ, никто не пожелалъ признать за однимъ только дворянствомъ чести служенія отечеству въ дѣлѣ его защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Г. Федотовъ указываетъ на то, что народная масса, пачиная съ XVIII ст., утратила ясное представленіе и о границахъ государства, и о его задачахъ, и о его внѣшнихъ врагахъ. — «Не то полякъ бунтуетъ, не то башка-царь велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ», — такъ объясняли себѣ простые русскіе люди тѣ войны, на которыя имъ приходилось посылать своихъ сыновей и мужей, и г. Федотовъ выводитъ отсюда, что они несли свои жертвы механически, оставаясь внѣ государственнаго сана. Однако, одно изъ другого вовсе не слѣдуетъ съ логической неизбежностью. Пускай народъ не обладалъ свѣдѣніями по политической географіи и въ своемъ воображеніи простиралъ власть русскаго царя далеко за ея дѣйствительные географическіе предѣлы. Мимоходомъ напомнимъ, что эта географическая безпомощность вовсе не составляла тогда удѣла одной только не-дворянской массы. Вѣдь господа Простаковы считали географію, наоборотъ, наукою «не-дворянской», а извоищичьей. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что сбивчивыя представленія общества о политической картѣ тогдашняго міра вовсе еще не уполномачиваютъ сами по себѣ на то заключеніе, что эти плохіе географы непременно должны были быть и плохими патріотами. Отъ кого приходится защищать отечество — это могло оставаться неяснымъ для людей, не допускаемыхъ до обсужденія вопросовъ внѣшней политики, и тѣмъ не менѣе эти люди могли быть все же убѣждены въ томъ, что вообще защищать отечество нужно и обязательно для всѣхъ сыновъ его.

Столь же неосторожно г. Федотовъ полагаетъ, что на-

родный культъ царя былъ лишенъ всякаго политическаго содержанія, а вытекалъ всецѣло изъ «русской мистической религіозной идеи». Думается, что ссылками на эту «русскую мистическую идею» вообще слишкомъ злоупотребляютъ при характеристикахъ русскаго народнаго міросозерцанія. Къ такимъ ссылкамъ часто прибѣгаютъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователю не удается подыскать конкретнаго объясненія для занимающаго его того или иного явленія русской жизни. На самомъ дѣлѣ народный культъ царя въ значительной мѣрѣ опирался на чисто конкретные интересы и практическіе расчеты народныхъ массъ. Онъ имѣлъ самую тѣсную связь съ социально-политическими предпосылками народнаго мышленія. Народная масса никогда не мирилась съ привилегіями владѣльческихъ классовъ и считала эти привилегіи и социальной несправедливостью, и политической безсмыслицей. Народная масса не могла себѣ представить происхожденія этихъ привилегій иначе, какъ въ видѣ узурпаціи, совершенной тѣми, кто дѣйствовалъ въ своскорыстныхъ интересахъ и пренебрегалъ и справедливостью, и общественной пользой. И если народъ при этомъ крѣпко держался за убѣжденіе въ томъ, что царь этихъ узурпацій одобрять не можетъ, то убѣжденіе это коренилось именно во взглядѣ на царя, какъ на верховнаго представителя и оберегателя общаго блага. Мы видимъ тутъ не какой то безформенно-туманный идеаль на мистической основѣ, а очень конкретное представленіе о царѣ, какъ о вождѣ государства, который не можетъ не заботиться о внутреннемъ государственномъ «нарядѣ» и не можетъ поэтому одобрять своскорыстныхъ и благосостоянію государства противорѣчащихъ привилегій сильныхъ людей. Конечно, этотъ строй мыслей нисколько не соответствовалъ идеемъ дворянскаго сословія, полагавшаго, что государственный порядокъ только и можетъ держаться, что на дворянскихъ привилегіяхъ. Это были два разнородные типа государственнаго сознанія: согласно одному изъ нихъ, — государство признавалось системою привилегій владѣльческихъ классовъ, оформленною въ сословно-іерархическій строй; согласно другому — государство мыслилось, какъ организациа социальной справедливости, на основаніи которой земля должна принадлежать тѣмъ, кто ее обрабатываетъ. Первый идеаль соединялся съ воззрѣніемъ на царя, какъ на перваго дворянина имперіи; второй идеаль соединялся

съ воззрѣніемъ на царя, какъ на печальника о народныхъ интересахъ. Конечно, это были два совершенно различные и даже прямо противоположные идеала. Но я совсѣмъ не вижу причины дворянскій идеалъ считать проявленіемъ государственнаго сознанія, а въ крестьянскомъ идеалѣ усматривать неспособность возвыситься до государственнаго сознанія, яко-бы замѣнявшася въ крестьянскихъ умахъ какимъ-то безформеннымъ анархическимъ мистицизмомъ. Въ теченіе вѣковъ апеллируя въ своихъ чаяніяхъ и надеждахъ именно къ царю, какъ къ главѣ государства, и въ своихъ бунтахъ и возстаніяхъ всегда подчеркивалъ, что знамя возстанія поднято не противъ государства, а противъ «господь», искажающихъ народный государственный идеалъ, народная масса тѣмъ самымъ достаточно засвидѣтельствовала, что и ей не чуждо государственное сознаніе, но только свойственное ей государственное мышленіе знало иные пути и протягивалось къ инымъ перспективамъ, нежели тѣ, съ коими тѣсно были связаны теоретики сословнаго государства.

Принявъ во вниманіе вышесказанное, мы легко замѣтимъ слѣдующую ошибку г. Федотова. Опять-таки лишь воспроизводя давнишнее распространенное сужденіе, г. Федотовъ связываетъ начало соціальной розни между народомъ и дворянствомъ съ переходомъ Россіи отъ московскаго царства къ петербургской имперіи и полагаетъ, что раздѣлительной гранью между народомъ и дворянствомъ встала съ тѣхъ поръ нѣмецкая и французская книжка. Дворянство по этимъ книжкамъ научилось «государственному сознанію». А народъ, ничего не понимая ни въ этихъ книжкахъ, ни въ государственномъ сознаніи, остался прѣ прежнихъ своихъ понятійхъ и обычаяхъ. Дворянство стало служить государю, чуть ли не какъ своему феодальному сеньеру, а народъ по прежнему продолжалъ поклоняться царю, какъ земному Богу. Такъ, западноевропейское просвѣщеніе вырыло несуществовавшую ранѣе бездонную пропасть между народомъ и дворянствомъ. Вотъ опять-таки — вовсе не новая, а, наоборотъ, слишкомъ заѣзженная схема, которую пора подвергнуть пересмотру. Гораздо ранѣе построснія Петербурга и замѣны боярскихъ шапокъ нѣмецкими треуголками и Четьи-минеи — «Прикладами како пишутся комплименты», — рознь между народной массой и соціальными верхами вступила въ полную силу. Имперія не породила этой розни, но уна-

слѣдовала еѣ отъ Московскаго царства. Конечно, нѣмецкое обличье, приобрѣтенное русскимъ дворянствомъ съ начала XVIII ст., эту рознь еще болѣе обострило и сгустило, но не въ «обличьи» все же заключалась самая суть дѣла. Суть дѣла состояла въ томъ, что уже въ XVIII ст. народная масса усмотрѣла, что государственный порядокъ построенъ на тѣсномъ союзѣ господской усадьбы съ воеводской канцеляріей, и что союзъ этотъ направленъ прямо противъ нея. И усмотрѣвъ это, народная масса уже тогда стала во враждебное положеніе не къ «государственности» вообще, а къ помѣщичье-приказному государству, исключавшему собою всякій намекъ на социальное равноправіе. И обостренію этой розни нисколько не препятствовало то, что дворянинъ-помѣщикъ въ то время еще не началъ передѣлывать на иноземный ладъ свой домашній обиходъ и по внѣшнему строю жизни и по кругу своихъ понятій стоялъ очень близко къ народной массѣ. Противорѣчіе социальныхъ интересовъ тѣмъ не менѣе уже ощущалось тогда со всей силой и достаточно было первой искрѣ, чтобы оно вспыхнуло социальнымъ пожаромъ. Недаромъ разиновщина на сто лѣтъ предварила пугачевщину.

Итакъ, мнѣ представляется, что г. Федотовъ, правильно нащупавъ корень зла, подточившаго русское государство. — въ розни и взаимномъ отчужденіи социальныхъ верховъ и низовъ, ошибается и въ опредѣленіи времени возникновенія этого зла, и въ объясненіи его существа. Для избѣжанія допущенныхъ имъ ошибокъ ему нужно было глубже заглянуть назадъ, за предѣлы имперіи.

Свой очеркъ физиологіи русскаго общества за время имперіи г. Федотовъ начинаетъ съ дворянства. Какъ мы уже знаемъ, для г. Федотова исторія общества за время имперіи есть исторія постепеннаго отмиранія всѣхъ жизненныхъ тканей общественнаго организма. Начертывая картину вырожденія дворянства, авторъ грѣшитъ прежде всего тѣмъ, что не опредѣляетъ точно предмета своего изслѣдованія. Былое русское дворянство вовсе вѣдь не было однороднымъ общественнымъ слоемъ. И при томъ, по своему составу, оно никогда не было замкнутой въ себѣ и оторванной отъ остальнаго населенія окоченнѣе кастой. Своими постановленіями о дворянствѣ Петръ узаконилъ тотъ процессъ непрерывной социальной капиллярности, въ силу котораго составъ дворянства постоянно по-

поднялся и освѣжался демократическими элементами, перѣдко поднимавшимися до верхняго общественнаго слоя съ самаго жизненнаго дна. Размышляя о судьбахъ русскаго дворянства, нельзя въ достаточной мѣрѣ оцѣнить значеніе этого обстоятельства. Между тѣмъ, г. Федотовъ обращаетъ на это обстоятельство очень мало вниманія и, можетъ быть, по этой-то именно причинѣ онъ такъ свободно оперируетъ понятіемъ дворянства, въ смыслѣ нѣкоей опредѣленной, четко отъ всѣхъ другихъ общественныхъ слоевъ отграниченной общественной категоріи. Въ сущности, авторъ подъ дворянствомъ разумѣетъ не все дворянское сословіе, а классъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Но такъ какъ онъ ни для себя ни для читателя точно не ограничиваетъ своего предмета именно такими предѣлами, то характеристика у него получается нѣсколько расплывчатая, а заключенія, примѣнимыя къ извѣстному дворянскому кругу, распространяются безъ достаточныхъ основаній на все сословіе.

Землевладѣльческое дворянство, по мнѣнію автора, зачало и разложилось вслѣдствіе своего отрыва отъ государственной службы. На этотъ разъ авторъ дѣйствительно расходится съ общепринятымъ взглядомъ, но въ этомъ расхожденіи едва ли можно признать его правымъ. Общепринятый взглядъ состоитъ въ томъ, что русское землевладѣльческое дворянство не обнаружило достаточной жизнеспособности именно потому, что оно слишкомъ долго и въ слишкомъ сильной степени было служилымъ сословіемъ и продолжало фактически такимъ оставаться даже и послѣ формальной отмѣны обязательной для него службы. Эта привычка строить свою жизнь на помочахъ государственной службы, обезпечивавшей дворянству устойчивыя средства къ существованію помимо его личной хозяйственной предприимчивости, препятствовала образованію изъ дворянъ-земледѣльцевъ независимаго и самостоятельнаго общественнаго класса. Обязательная служба отрывала дворянина отъ помѣстья и хозяйства и мѣшала ему крѣпко связаться съ мѣстною жизнью. Дворянство настойчиво добивалось освобожденія отъ этой принудительной служебной лямки. Но когда эта лямка была съ дворянства снята, дворяне, встрѣтивъ на первыхъ порахъ съ восторгомъ освобожденіе отъ обязательной службы, тѣмъ не менѣе продолжали уже добровольно считать себя по преимуществу

служилымъ сословіемъ. Тотчасъ по объявленіи дворянской «воли», дворяне массами хлынули со службы въ свои усадьбы, но скоро въ этомъ порывѣ наступило охлажденіе. Оказалось, что дворянство тяготилось не службой самой по себѣ, а ся обязательностью. А когда обязательность отпала, дворянинъ сплошь да рядомъ предпочиталъ казенный окладъ, -- точно опредѣленный и устойчиво обеспеченный — колеблющимся доходамъ отъ докучныхъ хлопотъ по хозяйству. Большею частью эти хлопоты сами по себѣ господъ помѣщиковъ вовсе къ себѣ не привлекали. Какойнибудь Болотовъ, горѣвшій хозяйственнымъ энтузіазмомъ, представлялъ собою не рядовую помѣщичью массу, а лишь избранное меньшинство своего сословія. «Не служащій дворянинъ» вовсе не вызывалъ особаго одобренія въ общественномъ мнѣніи. Неодобрительно смотрѣло на него и начальство. «Дворянинъ долженъ служить», -- этотъ тезисъ вовсе не былъ вырванъ манифестомъ о вольности дворянской и Екатерининской жалованной грамотой ни изъ сознанія правящихъ сферъ, ни изъ сознанія самого дворянскаго сословія. Да и проживая въ своихъ имѣніяхъ, дворянинъ, — въ массѣ, не считая исключеній, — обыкновенно не столько хозяйничалъ, сколько администрировалъ, разыгрывалъ изъ себя владыку своихъ «подданныхъ» — крестьянъ, а хозяйству представлялось идти по прадѣдовской рутинѣ безъ всякаго направляющаго и творческаго руководства. Г. Федотовъ полагаетъ, что отмѣна обязательной службы дворянства повлекла за собою «обезгосударствленіе» или, какъ авторъ для большей ясности считаетъ нужнымъ добавить: «дезэтизация» *) дворянства, его отрывъ отъ государственнаго дѣла, и этимъ именно была порождена безпочвенность дворянской культуры.

Гораздо правильнѣе было бы сказать, что землевладельческое дворянство проиграло въ своемъ удѣльномъ вѣсѣ въ общественной жизни какъ разъ потому, что и послѣ отмѣны обязательной службы не сумѣло связать крѣпко и кровно свои усадебныя гнѣзда со всѣмъ строемъ мѣстной жизни, а все смотрѣло въ сторону, все устремлялось помыслами къ государственному казначейству.

-- -- --

*) Это живо напоминаетъ мнѣ, какъ одинъ русскій философъ въ рѣчи своей передъ защитой диссертациіи сказалъ «упрощеніе или — чтобы яснѣе выразиться, -- **симплификація** понятія свободы воли.»

какъ къ наилучшему источнику матеріальнаго обезпеченія. Потому-то и послѣ освобожденія крестьянъ дворяне-землевладѣльцы этого типа почувствовали себя совсѣмъ безпомощными въ водоворотѣ новыхъ хозяйственныхъ отношеній, никакъ не могли приспособиться къ новому хозяйственному строю и единственный выходъ изъ своего тупика видѣли въ полученіи всевозможныхъ пособленій на счетъ общегосударственныхъ средствъ, полагая, что государство должно возмѣстить имъ утрату дароваго крѣпостного труда и отчужденныя отъ нихъ части ихъ земельныхъ владѣній, взявъ дворянъ подъ свою матеріальную опеку на положеніи, какъ бы сказать, пожизненныхъ государственныхъ пенсіонеровъ. Я подчеркиваю, однако, слова: «дворяне-землевладѣльцы этого типа», ибо подводить подъ одну рубрику весь этотъ классъ было бы исторически невѣрно. Все же въ составѣ этого класса было всегда меньшинство, — и не такое уже маленькое, — которое въ XVIII ст. выдвигало изъ своей среды кипучихъ въ хозяйственной предприимчивости Болотовыхъ; которое во второй четверти XIX ст. вступило энергично на путь интенсификаціи своего хозяйства и заранѣе составляло проекты отмѣны крѣпостного права; которое въ губернскихъ комитетахъ 1858 - 59 г. отстаивало возможно раньше расширеніе крестьянской реформы, а компенсацию за утрату власти надъ крестьянами рисовало себѣ не въ видѣ безпрестанныхъ подачекъ съ высоты престола, а въ видѣ руководящей роли въ мѣстномъ безсловномъ самоуправленіи. Если мы не будемъ устранять изъ поля нашихъ наблюденій также и этого ряда явленій, то придется признать, что и въ средѣ землевладѣльческаго дворянства были жизнеспособные элементы, которые могли внести свою творческую струю въ процессъ народненія новой демократической государственности въ пореформенной Россіи второй половины XIX ст. Этотъ слой дворянства и далъ немалое количество своихъ представителей въ составъ того общественнаго движенія, которое стремилось къ «увѣнчанію» реформъ 60-хъ годовъ введеніемъ конституціи и проведеніемъ рѣшительныхъ соціально-экономическихъ преобразованій на демократической основѣ. И если правящая власть въ теченіе второй половины XIX ст., съ каждымъ десятилѣтіемъ все рѣшительнѣе, связывала свою позицію и свою судьбу какъ разъ съ о т м и р а ю щ е ю частью землевладѣльческаго дворянст-

ва, стремясь гальванизировать ее искусственными мѣропріятіями, то въ этомъ и заключался роковой залогъ неизбежно надвигавшейся катастрофы.

Умирая, какъ землевладѣльческій классъ, дворянство, — по указанію г. Федотова, — продолжало оказывать вліяніе на ходъ русской жизни лишь постольку, поскольку оно входило въ составъ бюрократіи и интеллигенціи.

Бюрократическій строй г. Федотовъ согласно съ распространеннымъ мнѣніемъ считаетъ твореніемъ Сперанскаго. Не пора ли исправить и это, столь укоренившееся въ историческихъ взглядахъ нашего общества, превратное убѣжденіе? Оно превратно вдвойнѣ. Оно вноситъ невѣрное освѣщеніе въ смыслъ жизненнаго дѣла Сперанскаго и оно затуманиваетъ вопросъ о генезисѣ русской бюрократической системы. И прежде всего надо же, наконецъ, признать согласно съ фактами, что вовсе не всевластіе бюрократіи было идеаломъ Сперанскаго. Бюрократію онъ организовывалъ какъ исполнительный государственный аппаратъ, а вовсе не какъ направляющую правящую силу. Такой силой по замысламъ Сперанскаго должно было стать выборное народное представительство, которое Сперанскій хотѣлъ выдвинуть на первый планъ не только въ центрѣ, на вершинѣ государственнаго зданія, но и въ областяхъ, во всѣхъ этажахъ этого зданія, сверху и до самаго низу, отъ столицы до волости. Не ясно-ли, что осуществленіе такого плана сдѣлало бы невозможнымъ установленіе всевластія бюрократіи? Итакъ, не Сперанскій, а тѣ, кто похоронили преобразовательный планъ Сперанскаго, должны быть признаны насадителями въ Россіи бюрократической системы управленія. Они воспользовались установленными систематическимъ умомъ Сперанскаго организаціонными формами распорядка государственной службы, но сообщили этимъ формамъ совсѣмъ не то мнѣніе и предназначеніе, которое намѣчалось Сперанскимъ.

И во всякомъ случаѣ невѣрно и то общее положеніе, что бюрократическое управленіе у насъ создано лишь въ началѣ XIX ст. Въ это время былъ усовершенствованъ его аппаратъ, но моментъ возникновенія бюрократіи на Руси долженъ быть отодвинутъ лѣтъ на полтора ста назадъ отъ эпохи Сперанскаго. Во второй половинѣ XVII стол. у насъ уже нарождается приказное, полицейское государство, правда пока еще далеко не въ чистомъ своемъ

видѣ, но существенные элементы его уже на лицо, хотя они еще и соединяются съ элементами противоположными. Дьяки и подъячіе XVII в. суть несомнѣнные родоначальники бюрократическаго строя, и по формамъ своей дѣятельности, и по стремленію обособиться въ самодовлѣющій классъ у кормила правленія, и по социальному своему составу. Имперія XVIII столѣтія, начиная съ Петра Великаго, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, лишь разрабатываетъ и технически совершенствуетъ наслѣдіе Московскаго царства. Съ середины XVII ст. замираетъ и скоро прекращается дѣятельность земскаго соборнаго представительства и водворяется всевластіе московскихъ приказовъ, въ которыхъ и начинается всѣмъ верховодить быстро нарождающаяся приказная бюрократія. Г. Федотовъ подчеркиваетъ, что поповичъ Сперанскій установленіемъ бюрократическаго строя далъ выходъ демократическимъ элементамъ на поверхность государственной жизни, разстроивъ тѣмъ дворянское засыліе, утвердившееся въ XVIII ст. Но уже во второй половинѣ XVII ст., какъ разъ путемъ приказной службы, то и дѣло начинаютъ выдвигаться на поверхность люди весьма скромнаго социальнаго происхожденія, а то и совсѣмъ безъ рода и племени, но съ служебными талантами и служебной ловкостью, и порою они становятся въ первый рядъ государственныхъ дѣльцовъ, направляющихъ ходъ государственной машины. Вольно же г. Федотову отказывать въ званіи бюрократіи московскимъ приказнымъ дьякамъ и подъячимъ второй половины XVII ст., видя въ нихъ лишь «невѣжественныхъ строителей кляузныхъ бумагъ, побирушекъ и ябедниковъ». Такая характеристика вовсе не вѣрна, если имѣть въ виду не подонки этого слоя, а весь этотъ классъ въ совокупности. Крупный приказный «бюрократъ» XVII ст., — по происхожденію скромный провинціальный дворянинъ, — Ординъ-Нащокинъ былъ однимъ изъ прямыхъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма Петра В., а безродный еврей Шафировъ уже въ XVII ст. игралъ видную роль въ Посольскомъ приказѣ и прямо оттуда, какъ бы сказать, по наслѣдству, перешелъ затѣмъ въ Петровскую коллегію иностранныхъ дѣлъ. Г. Федотовъ не хочетъ признавать наличности бюрократіи и въ Россіи XVIII ст., утверждая, что въ то время «чиновничество было совсѣмъ подавлено и придавлено въ центрѣ — временщиками и фаворитами, а въ провинціи

— феодалами-помѣщиками. И только Сперанскій положилъ конецъ этому дворянскому раздолью, заставивъ дворянина-помѣщика потѣсниться передъ чиновникомъ — разночинцемъ.

Мы опять должны замѣтить, какъ рискованно пускаться въ ходъ такіе широкіе мазки въ историческихъ характеристикахъ, ибо при этомъ легко испаряется правильная историческая перспектива. Съ одной стороны, господство временщиковъ и фаворитовъ въ XVIII ст. вовсе не устраняло надобности въ рабочемъ бюрократическомъ аппаратѣ и въ дѣятельныхъ и энергичныхъ его направителяхъ (укажу лишь на одинъ примѣръ, но зато очень выразительный: въ разгаръ фавора Бирона выдвигается замѣчательная дѣятельность Анисима Маслова, сенатскаго оберъ-прокурора, котораго Ключевскій рѣшился назвать ни болѣе ни менѣе, какъ отдаленнымъ предшественникомъ Николая Милютина въ качествѣ просвѣщеннаго и богатаго смѣлыми идеями бюрократа), а съ другой стороны самовластье богатыхъ провинціальныхъ магнатовъ, ставившихъ ни во что мѣстныхъ агентовъ государственной власти, вовсе не пресѣклось со времени мѣропріятій Сперанскаго, какъ этого хочется г. Федотову, и не теряло своей силы во всю первую половину XIX ст. вплоть до реформы 1861 г. Сводя почти къ нулю значеніе бюрократіи въ Россіи до начала XIX ст., г. Федотовъ съ другой стороны, думается намъ, склоненъ слишкомъ уже преувеличивать результаты якобы произведеннаго Сперанскимъ возрожденія бюрократической системы и чиновнической среды. — «Удивляться надо тому, — говоритъ нашъ авторъ, — насколько удалось Сперанскому оздоровить это кривое болото прививкой европейскаго идеала долга». Припомнимъ хотя бы содержаніе комедій Сухово-Кобылина и «Губернскихъ очерковъ» Салтыкова, врядъ-ли согласишься съ этимъ утвержденіемъ нашего автора.

Постепенное очищеніе Авгіевыхъ конюшенъ бюрократическихъ канцелярій началось не со Сперанскаго, а съ реформъ 60-хъ годовъ и, конечно, и послѣ того шло оно вовсе не столь стремительно, какъ это рисуется нашему автору. «Огромная и прескрасно сложенная бюрократическая машина», установленная Сперанскимъ, затѣмъ, по мнѣнію автора, захирѣла и заржавѣла не въ силу внутреннихъ своихъ дефектовъ, а потому, что для ея дѣятельности власть не давала живого матеріала. Послѣ кратковремен-

наго періода реформъ 60-хъ годовъ корабль бюрократической системы садится на мель, командѣ остается только бездѣльничать, служба сводится къ безпредметному бумагописанію и къ устройству карьерныхъ плановъ. Бюрократія, такимъ образомъ, подобно дворянству, къ концу существованія имперіи также превращается въ трупъ, несмотря на все то, что было сдѣлано Сперанскимъ для ея оживотворенія.

Отнюдь не питая нѣжныхъ чувствъ къ русской бюрократіи, долженъ, однако, замѣтить, что картина бездѣтельности правящей бюрократіи въ послѣднемъ періодѣ существованія имперіи, данная г. Федотовымъ, очень односторонне стилизована. Справедливость требуетъ признать, что бюрократія и въ этомъ періодѣ работала очень много и вовсе не къ одному только чистописанію сводилась ея работа. Взять хотя-бы тотъ громадный размахъ, который былъ приданъ въ 80-хъ и въ 900-хъ годахъ развитію государственнаго хозяйства; взять хотя бы осуществленіе такого грандіознаго предпріятія, какъ построеніе сибирской желѣзной дороги; это уже — вполне реальные плоды дѣеспособности правящей бюрократіи. Подобные факты показываютъ, что никакъ нельзя изображать русскую бюрократію конца имперіи сплошнымъ сборищемъ рамоликовъ и лѣвтяевъ, и фраза нашего автора: «призванная нѣкогда спасать Россію отъ дворянской атоміи бюрократія выродилась въ огромную государственную школу бездѣлья», — есть обобщеніе очень поспѣшное. Бѣда заключалась вовсе не въ бездѣтельности и неаботоспособности бюрократіи, а въ томъ, что политика власти направилась по ложному пути и въ связи съ этимъ работа бюрократіи, — очень усиленная и интенсивная, — не давала благодѣтельныхъ результатовъ, а прямо наоборотъ усиливала внутреннее разстройство, чреватое роковыми послѣдствіями.

Переводя затѣмъ лучъ своего фонаря съ бюрократіи на интеллигенцію, авторъ еще болѣе утвердится въ пессимистическомъ направленіи своихъ наблюденій. Тутъ онъ идетъ по давно наѣзженной дорогѣ.

Сказать, что лѣвныя партіи утопали въ теоретическихъ увлеченіяхъ и, оторванныя отъ дѣйствительности, предавались безудержному максимализму, а либералы являлись всего только выхолощенными радикалами, способными лишь къ безплодному брюжжанію и къ оппозиціи ради

оппозиции, — сказать все это и ничего къ этому не прибавить, не значить-ли повторить, ужъ не знаю въ который разъ, утверждѣнія, задолго до революціи превратившіяся отъ постоянного употребленія въ выцвѣтшій шаблонъ?

А вѣдь намъ было обѣщано, что авторъ никакихъ до-революціонныхъ шаблоновъ въ своихъ сужденіяхъ не допуститъ!

Въ этихъ шаблонахъ есть немалая доля правды, но не вся правда. А вѣдь «не вся правда» вообще уже не есть правда. Детальное разсмотрѣніе фактовъ показало бы, что и максимализмъ крайнихъ лѣвыхъ направленій имѣлъ бы при нормальныхъ условіяхъ политической жизни всѣ шансы войти въ рамки осуществимыхъ практическихъ задачъ, и русскій либерализмъ вовсе не былъ столь пустопороженъ, какъ объ этомъ твердили безъ конца на всѣ лады, а были ему свойственны весьма серьезныя стремленія и въ политической и въ соціальной области, проникнутыя духомъ государственности. Милютинъ, Упковскій, Черкасскій, Чичеринъ, Арсеньевъ, Петрунkevичъ, Чупровъ, Ковалевскій, Милюковъ, — беру совершенно на удачу первыя пришедшія на мысль имена --- ...скажите, пожалуйста, неужели всѣ эти дѣятели и многіе-многіе другіе того же склада суть не болѣе, какъ ходячія шарманки?

Врядъ ли самъ г. Федотовъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно. Все дѣло только въ томъ, что въ своемъ очеркѣ онъ витаетъ въ области суммарныхъ общихъ характеристикъ, гдѣ такъ легко изречь быстрые приговоры надъ цѣлыми общественными теченіями. А вотъ стоитъ только немного приблизиться къ подлиннымъ конкретнымъ фактамъ, такъ сейчасъ же и видишь, насколько эти быстрые приговоры сметаны на живую нитку.

Итакъ, вся картина русской общественности къ концу XIX столѣтія представляется автору мертвой пустыней. Разночинная интеллигенція, приходившая на смѣну интеллигенціи дворянской, оказывается въ изображеніи автора еще хуже послѣдней. Для объясненія этого явленія авторъ приводитъ соображенія, которыя приходится признать по крайней мѣрѣ черезчуръ поспѣшно составленными. Роковую роль для выходившаго на общественную арену слоя разночинцевъ сыграла, по мнѣнію автора, всесословная школа. Культуры школа не давала. Но дворянинъ получалъ эту культуру въ своей дворянской семьѣ (большія тутъ требуются оговорки!), разночинца же

семья не могла приучить къ умственному труду, а школа отучала отъ физическаго труда и вселяла въ разночинца пренебрежительное отношеніе къ скромной трудовой долѣ. Итакъ, забравшись въ гимназію вмѣсто ремесленной школы, разночинцы выходили оттуда бѣлоручками, гнушающимися черной работой и неспособными въ тоже время и къ умственному труду; выходили — коптящіе небо верхогляды и барышни, бренчащія на «фортепьянахъ». Мы знаемъ, однако, что кромѣ барышень, бренчащихъ не фортепьянахъ, интеллигенція второй половины XIX стол. давала и идеалистически настроенныхъ молодыхъ людей обоюго пола, ради служенія народу забиравшихся въ деревенскую глушь сельскими учителями и учительницами, фельдшерицами, статистиками и т. п. Какъ же можно снимать все это со счетовъ при характеристикѣ общественныхъ настроеній? И неужели прошедшіе общую школу разночинцы такъ-таки и превращались всей своей массой въ пустопорожнюю накипь на общественной жизни? Среди серьезныхъ ученыхъ, писателей, общественныхъ дѣятелей второй половины XIX ст. развѣ такъ уже мало людей, вышедшихъ изъ разночинной среды?

Среди сплошнаго общественнаго маразма, охватившаго по мнѣнію автора предреволюціонную Россію, авторъ нѣсколько неожиданно открываетъ «единственнаго представителя русской силы и предприимчивости» — въ русскомъ купцѣ. Однако, и этотъ представитель русской силы и предприимчивости оказывается затѣмъ слишкомъ рыхлымъ и хрупкимъ, чтобы противостоятъ разлагающимъ вліяніямъ. Купечество заражается «дворянскимъ декадансомъ», а созданная купцами промышленность оказывается недоношеннымъ плодомъ, быстро гибнущимъ въ вихряхъ политической смуты.

Кажется, мы привели достаточно указаній на то, какъ сильно нуждаются быстро сооруженныя г. Федотовымъ схемы въ фактическихъ провѣркахъ и поправкахъ. Мы могли бы и еще продолжать эти критическія замѣчанія относительно отдѣльныхъ утвержденій нашего автора, высказываемыхъ имъ въ такой категорической формѣ.

Не пора-ли однако перейти къ той общей исходной идеѣ г. Федотова, на которую наизаны всѣ эти отдѣльныя его утвержденія и которая собственно и предопредѣлила одностороннее направленіе его наблюденій и заключеній?

Представляя себѣ внутреннее состояніе Россіи передъ революціей, какъ процессъ омертвѣнія и окостенѣнія всего организма русской жизни, г. Федотовъ полагаетъ, что въ этомъ какъ разъ и обрисовывается причина пришествія революціи. Фактическія невѣрности рисуемыхъ авторомъ картинъ мы видѣли выше. Въ своей односторонне стилизованной характеристикѣ авторъ чрезмѣрно преувеличилъ омертвѣлые и мертвящіе элементы предреволюціоннаго жизненнаго строя Россіи и чрезмѣрно преуменьшилъ элементы живые, дѣятельные, активно-прогрессивные.

Но если односторонни его фактическія изображенія, то и его теоретическая общая предпосылка не можетъ быть признана правильной.

Развѣ революціонный взрывъ можетъ произойти въ странѣ, въ которой всѣ живыя силы изсякли и всѣ ткани общественнаго организма омертвѣли? Такое положеніе вещей исключаетъ возможность какихъ либо порывовъ, а тѣмъ болѣе революціонныхъ. Не броженіе, не порывъ, не возстаніе, а неподвижность, гніеніе и разложеніе могутъ быть единственнымъ результатомъ вымиранія всѣхъ жизнѣдѣятельныхъ силъ страны. Ходъ мысли автора, по видимому, таковъ: революція состоитъ въ паденіи и разрушеніи стараго порядка. Пастъ и разрушиться можетъ только то, что уже мертво. Итакъ, показать полную мертвенность дореволюціоннаго жизненнаго строя и значить -- объяснить пришествіе революціи. Легко замѣтить логическій дефектъ въ такомъ ходѣ разсужденія. Революція вѣдь вовсе не есть самоуничиженіе рушащагося строя. То была бы не революція, а естественная смерть безъ потрясеній и борьбы. Революція есть возстаніе противъ стараго порядка непримиряющихся съ нимъ силъ. Но возстаніе предполагаетъ непремѣнно наличіе дѣятельныхъ силъ, способныхъ къ энергическому и порывистому движенію. Гдѣ все мертво и неподвижно, тамъ революція быть не можетъ. Гдѣ дѣятельныя силы находятъ себѣ удовлетвореніе въ процессѣ свободнаго творчества, тамъ тоже не можетъ возникнуть революція, тамъ -- восторжествуетъ процессъ органическаго жизненнаго роста. Революція есть непремѣнно результатъ враждебной встрѣчи стараго порядка отмирающаго, но еще достаточно упорнаго для извѣстнаго сопротивленія враждебнымъ ему силамъ

и этихъ самыхъ враждебныхъ ему силъ, въ рамкахъ самаго стараго порядка постепенно вырѣвшихъ, но для своего проявленія нуждающихся въ ниспроверженіи этихъ именно для нихъ уже тѣсныхъ и непріемлемыхъ рамокъ. Отъ такой то встрѣчи и происходитъ революціонный взрывъ. Но если это вѣрно, то и діагнозъ соціально-политическаго кризиса, вызывающаго революцію, не можетъ быть правиленъ и вѣренъ, поскольку онъ начертываетъ лишь картину отмиранія всѣхъ безъ исключенія сторонъ жизни предреволюціоннаго періода. Г. Федотовъ, въ сущности, и самъ въ концѣ своего изложенія спохватывается на этотъ счетъ и въ послѣдней главѣ своего очерка вдругъ заявляетъ: «не все въ русской политической жизни было гнило и обречено» и затѣмъ даетъ рядъ оговорокъ къ собственному предшествующему изложенію. Не лучше-ли было бы, однако, вмѣсто этихъ бѣглыхъ оговорокъ въ концѣ очерка (напоминающихъ списокъ «погрѣшностей», прилагаемый въ концѣ книги), просто внести соотвѣтствующія существенныя поправки въ самое предшествующее изложеніе? Но вѣдь тогда пришлось бы измѣнить и всю вообще характеристику русской дѣйствительности, которой наполненъ очеркъ; пришлось бы измѣнить и общую отправную мысль, на которой весь очеркъ построенъ.

Конечно, можетъ быть предложенъ вопросъ: если революція есть возстаніе дѣятельныхъ силъ противъ отмирающаго порядка, то почему же революція русская не удалась? Однако, это — уже вопросъ иной: не о происхожденіи революціи, а о ея исходѣ. Почему въ концѣ концовъ въ революціонномъ процессѣ одержали верхъ тѣ, кто принесъ Россіи не блага свободы, а ужасы тираніи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ потребовалъ бы особаго сложнаго разсужденія, при которомъ пришлось бы затронуть рядъ совсѣмъ новыхъ темъ. Здѣсь скажу только, что эта сторона дѣла вовсе не колеблетъ утвержденія о томъ, что возникновеніе революціи проистекаетъ изъ броженія не мертвыхъ, а дѣятельныхъ элементовъ обществитія. Вѣдь не всѣ дѣятельныя силы суть непремѣнно благодѣтельныя. А почему въ процессѣ революціонной борьбы зловредныя начала восторжествовали у насъ надъ благи-ми, тому имѣется рядъ причинъ, уходящихъ своими корнями олять таки въ историческое прошлое. Но здѣсь мы уже не можемъ заняться ихъ разсмотрѣніемъ.

II.

Революція и революціи.

Если всякая вообще революція непременно есть взрывъ дѣятельныхъ силъ противъ отмирающаго строя учрежденій и отношеній, это вовсе еще не значитъ, что всѣ революціи происходятъ и разрѣшаются одинаково. И я думаю, что нѣтъ задачи болѣе бесплодной, какъ задача опредѣлить существо «революціи вообще». Конечно, вовсе не трудно указать на повторяющіяся во всѣхъ революціяхъ нѣкоторыя общія черты. Но если при этомъ мы будемъ скромно держаться исторической эмпириі, не устремляясь на заоблачныя высоты метафизики, мы непременно замѣтимъ, что эти сходныя черты всѣхъ революцій либо относятся къ самымъ первичнымъ и общимъ положеніямъ, столь первичнымъ и общимъ, что онѣ сами по себѣ нисколько не предопредѣляютъ конкретнаго хода событій *), либо касаются чисто внѣшнихъ формъ проявленія революціонныхъ страстей. Но содержаніе, наполняющее эти формы, разнообразится и индивидуализируется до бесконечности въ разныхъ революціяхъ. Во всѣхъ шахматныхъ партіяхъ фигуры располагаются и передвигаются по однимъ и тѣмъ же правиламъ и тѣмъ не менѣе не бываетъ двухъ партій, которыя совпали бы по своему содержанію. Ну, а фигуры на шахматной доскѣ исторіи даже и передвигаются, если и не совсѣмъ независимо отъ нѣкоторыхъ правилъ, то все же съ весьма неожиданными зигзагами такъ, что здѣсь даже и формальное сходство передвиженій очень эфемерно, а о тождественности ихъ внутренняго назначенія говорить совсѣмъ уже рискованно.

Вотъ почему такъ много есть охотниковъ проводить аналогіи между всѣми революціями и такъ мало эти аналогіи помогаютъ въ дѣлѣ уразумѣнія отдѣльныхъ революцій въ ихъ конкретномъ своеобразіи, т. е. въ ихъ дѣйствительной подлинности.

Диллетанты, предающіеся на досугѣ размышленіямъ о такихъ аналогіяхъ, просто на просто хватаются за внѣшнія формальныя сходства, не проникая въ прикрываемыя сходною внѣшностью различія по существу. Для людей,

---

*) Таково есть и вышеуказанное положеніе, что революція всегда есть взрывъ дѣятельныхъ силъ.

болѣе спеціально погружающихся въ эти вопросы, дѣло обстоитъ труднѣе. Различія по существу не укрываются отъ ихъ мысленнаго взора и мѣшаютъ имъ подвести безъ дальнихъ разговоровъ всѣ революціи подъ одинъ ранжиръ. Но такъ какъ имъ все же не хочется отказаться отъ соблазнительнаго намѣренія подогнать фактической матеріалъ подъ всеобобщающую соціологическую схему, то приходится какъ нибудь изысканно изловчиться. При этомъ умственные усилія направляются по двоякому пути.

Одинъ изъ этихъ путей состоитъ въ томъ, что для спасенія положенія выставляется тезисъ: не всякая революція есть настоящая. Оказывается, что бываютъ революціи настоящія и ненастоящія. Если читатель въ простотѣ души предположитъ, что настоящими революціями при этомъ называются революціи удавшіяся, а ненастоящими — неудавшіяся, то онъ глубоко ошибется. Дѣло тутъ не въ удачѣ или неудачѣ, а въ томъ, соотвѣтствуетъ ли данная революція тому рецепту, по которому, согласно рѣшенію даннаго писателя, всякая революція должна совершаться. Если соотвѣтствуетъ, то это будетъ настоящая революція; если не соотвѣтствуетъ, то это будетъ всего только бунтъ.

Ставъ въ такую позицію, писатель совершенно облегчаетъ себѣ всю задачу. Если даже и въ такомъ переворотѣ, который онъ вообще относитъ къ числу настоящихъ революцій, не всѣ явленія подойдутъ подъ его схему, онъ выходитъ изъ затрудненія очень просто, указавъ на то, что и въ настоящей революціи бываютъ бунтовщическіе элементы. Остается, слѣдовательно, лишь провести разграничительную линію между понятіями революціи и бунта. На выполненіе этой задачи было употреблено немало остроумія и глубокомыслія. Указывалось, что бунтъ только разрушаетъ; революція, разрушая, всегда что нибудь и созидаетъ. Или указывалось, что бунтъ охватываетъ лишь небольшую группу населенія, революція охватываетъ большинство націи; или отмѣчалось, что бунтъ есть возстаніе на тѣ или другія частныя и отдѣльныя стороны существующаго порядка, а революція есть возстаніе на основныя начала этого порядка.

Хотя въ этихъ указаніяхъ отмѣчаются различія то ка-
чественнаго, то количественнаго характера, тѣмъ не менѣе ни одно изъ этихъ указаній не уполномочиваетъ заключить, что бунтъ и революція суть явленія разнород-

ныя и даже, какъ угодно нѣкоторымъ писателямъ, прямо противоположныя по своей природѣ. Въ концѣ концовъ, ни одинъ бунтъ не обходится безъ желанія достигнуть той или иной перемѣны въ положеніи возставшихъ, т. е. безъ желанія достигнуть чего-либо новаго на мѣсто того, что вызвало негодованіе бунтовщиковъ. И, съ другой стороны, перевороты, признаваемые революціями, не разъ зарождались лишь въ опредѣленной группѣ населенія, пусть - - гораздо болѣе значительной, нежели тѣ движенія, которыя именуются бунтами. Наконецъ, и послѣднее изъ приведенныхъ выше различій только на первый взглядъ можетъ показаться отчетливо-опредѣленнымъ. Что считать частностью и что — основою данного порядка, - это вовсе не такъ безспорно опредѣлимо. Пугачевщина направлялась только противъ крепостного права, и, если бы за пугачовцами осталась побѣда, кто знаетъ, — не началось ли бы общее политическое и социальное свѣтопреставленіе? Значить, пугачевщина называется не революціей, а бунтомъ только потому, что бунтъ не удался. А люди, начавшіе великую французскую революцію, какъ извѣстно, были почти поголовно убѣжденными сторонниками монархіи и требовали только созыва геиеральныхъ штатовъ и мы не называемъ движеніе 1789 г. бунтомъ по той причинѣ, что оно имѣло успѣхъ и при послѣдующемъ ходѣ событій раздвинулось далеко за первоначальныя рамки. Въ концѣ концовъ мы будемъ гораздо ближе къ истинѣ, если, не пытаясь доказывать разнородность природы бунта и революціи, признаемъ, что это — явленія одного и того же порядка, и что бунтъ есть зародышъ революціи, а революція есть разросшійся и углубившійся бунтъ. Можно указать сколько угодно различій между бунтомъ и революціей, но нельзя доказать, что это — явленія не одной породы, точно такъ же, какъ цѣлая бездна лежитъ между кошкой и тигромъ и все-таки кошка и тигръ принадлежать къ одной породѣ. Не покидая почвы реальной дѣйствительности, нужно просто признать, что революціи бываютъ разныя: разнаго стиля, разнаго размѣра, разнаго содержанія. Можно, конечно, при желаніи называть нѣкоторыя изъ нихъ не революціями, а какъ нибудь иначе, но это будетъ уже вопросъ терминологіи, а не существа.

Есть еще и другой путь для спасенія престижа той идеи, что всѣ революціи извѣстныя исторіи могутъ быть под-

ведены подъ единую философско-соціологическую схему. Этотъ путь только что испробовать Ф. А. Степунъ въ статьѣ. «Религіозный смыслъ революціи» («Современныя Записки», кн. XL).

Г. Степунъ начинаетъ эту статью съ общихъ методологическихъ замѣчаній и при этомъ предлагаетъ читателямъ, не интересующимся вопросами методологіи, пропустить эту первую главу его статьи. Мы, однако, настойчиво советуемъ читателямъ отнюдь не поддаваться этому предложению, ибо не сомнѣваемся въ томъ, что въ отвѣтъ на большую часть критическихъ замѣчаній, которыя могутъ быть сдѣланы на статью г. Степуна, авторъ укроется какъ разъ именно подъ сѣнь этихъ самыхъ методологическихъ соображеній. Изъ этихъ методологическихъ соображеній авторъ соорудилъ себѣ своего рода защитный окопъ, дабы сдѣлать себя неуязвимымъ для тѣхъ историковъ, которые при обсужденіи вопросовъ, соприкасающихся съ историческими данными, находятъ нужнымъ цѣпко держаться за факты исторической дѣйствительности и каждое лыко ставить тутъ въ строку.

Г. Степунъ желаетъ начертать общій для всѣхъ революцій законъ внутренней діалектики революціоннаго процесса. Онъ, однако, заранѣе считается съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ тѣхъ внѣшнихъ фактовъ, въ которые облекаются революціонные взрывы, и предвидитъ, что всякая попытка втиснуть исторію всѣхъ революцій въ одинъ общій рисунокъ обречена на неудачу. Но онъ полагаетъ, что всякія возраженія со стороны фактической точности сразу отпадаютъ въ томъ случаѣ, если единая природа всѣхъ революцій будетъ отыскиваема не методомъ индукціи, а методомъ типологическаго конструирования.

Если вы желаете дать обобщающій чертежъ фактическаго хода всѣхъ революцій, собирая общія имъ всѣ черты, вы обязаны считаться съ фактами исторической дѣйствительности, подлежащими обобщенію, и всякія указанія на допущенныя вами въ этомъ отношеніи ошибки будутъ расшатывать ваше построеніе. Другое дѣло — типологическое конструированіе революціоннаго процесса. Типологическая конструкція любого историческаго процесса состоитъ не въ обобщеніи его внѣшнихъ формъ, а въ отысканіи его основной сущности, которая въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ облекаться въ

различныя внѣшнія оболочки, оставаясь въ то же время всегда равной самой себѣ по существу.

На своемъ нѣсколько вычурномъ языкѣ Ф. А. Степунъ объясняетъ, что типологическая (или, какъ онъ ее еще называетъ, идеало-типическая) конструкція — «сгущаетъ типическія черты изслѣдуемаго явленія до нѣкоего *taximum*'а, быть можетъ, вообще не встрѣчающагося въ дѣйствительности». Пусть такъ! И все же означаетъ ли это, что историку-типологу позволительно величественно парить надъ историческою дѣйствительностью, совѣмъ съ ней не считаясь? Ни въ коемъ случаѣ! Пусть его конструкція будетъ типологическая или идеало-типическая, пусть она будетъ предназначена вскрыть таинственную душу историческаго процесса, а не его внѣшнія очертанія, — все же историкъ-типологъ не изъ собственнаго пальца эту конструкцію высасываетъ, а стремится ее разглядѣть, уловить, почуять сквозь сѣтку историческихъ фактовъ. И для того, чтобы это занятіе не свелось къ пустой игрѣ произвольно выбранными отвлеченными понятіями, совершенно необходимо, чтобы и взоръ изслѣдователя былъ достаточно многообъемлющъ и сѣтка фактовъ, этому глазу противостоящая, была содержима въ надлежащей исправности. Такимъ образомъ и методъ типологическаго конструктивизма вовсе не освобождаетъ изслѣдователя отъ обязанности считаться съ критическими замѣчаніями фактическаго характера. Самъ Ф. А. Степунъ въ этой же статьѣ, но въ иномъ контекстѣ, считаетъ нужнымъ заявить: «всякая наука обязана исходить изъ данностей и начинать съ наивозможно точнаго описанія факта» (стр. 457). Всякая я наука! Значить, въ томъ числѣ и такая, которая оперируетъ методомъ типологическихъ конструкцій. Однако, въ запасъ у Ф. А. Степуна имѣется еще одно положеніе въ видѣ дополнительной брони противъ нападковъ фактической критики. Онъ совершенно справедливо утверждаетъ, что всякое историческое изслѣдованіе обусловлено особенностями личнаго духовнаго опыта изслѣдователя и связано съ ними, и что это обстоятельство кладетъ глубокую печать на самое содержаніе историческихъ выводовъ. Это положеніе неоспоримо, но только изъ него никакъ не выведешь, что изслѣдователю не могутъ быть предъявляемы требованія держать свой субъективизмъ въ уздѣ и ограничивать его произволь контрелирующими наблюденіями за многообразіемъ историче-

ской дѣйствительности. Пусть историкъ вообще не въ состояніи выскользнуть изъ рамокъ своего духовнаго опыта при изслѣдованіи историческихъ процессовъ, подобно тому, какъ никто и ничто, существующее на нашей планетѣ, не можегъ выскользнуть изъ сферы земнаго притяженія. И тѣмъ не менѣе, если въ построеніи историка окажутся вопіющія противорѣчія фактамъ исторической дѣйствительности, онъ отнюдь не можетъ отмахнуться отъ предъявляемыхъ ему возраженій простой ссылкой на свою связанность личнымъ духовнымъ опытомъ.

На такую ссылку можно вѣдь отвѣтить съ достаточнымъ правомъ: «если вашъ духовный опытъ приводитъ васъ къ явнымъ ошибкамъ или односторонностямъ, въ такомъ случаѣ либо старайтесь усовершенствовать вашъ духовный опытъ, либо вообще не беритесь за роль историка или по крайней мѣрѣ не выдавайте свою историческую схему за общій законъ характеризуемыхъ вами историческихъ процессовъ». Превращать же «типологическія конструкции» въ сознательное облеченіе повѣсти о личныхъ переживаніяхъ въ форму историческихъ обобщеній, — не значить ли оказывать плохую услугу самому типологическому методу, подрывая его научную стоимость?

Боюсь, что предлагая свое типологическое изображеніе революціоннаго процесса Ф. А. Степунъ не мало погрѣшаетъ въ только что указанномъ отношеніи. М. В. Вишнякъ въ статьѣ «О переосмысливаніи Степуна» совершенно справедливо указалъ, что Степунъ изображаетъ не структуру революціи, а структуру «собственнаго сознанія» и вопреки своей общанію говорить о смыслѣ революціи вообще, все время имѣетъ въ виду только одну определенную и ограниченную во времени революцію — большевицкую. Почему русская большевицкая революція должна быть принята за типологическое изображеніе всякой вообще революціи? Ф. А. Степунъ этого не объясняетъ, а просто декретируетъ это положеніе, какъ для него самоочевидное, ибо оно вытекаетъ изъ совокупности его личнаго недавняго духовнаго опыта. И все его изложеніе, состоящее въ отождествленіи смысла всякой вообще революціи съ революціей большевицкой, написано тономъ декретовъ, возвѣщающихъ положенія общеобязательныхъ и въ доказательствахъ не нуждающихся.

Говоря вкратцѣ, эти его положенія таковы. Прежде всего революція не есть ускореніе эволюціи, а есть внезап-

но вторгающійся въ жизнь «взрывъ всѣхъ смысловъ». Для возможности такого взрыва требуется наличность двухъ условій: во-первыхъ, требуется выступленіе на сцену новаго слоя или класса и, во-вторыхъ, разрывъ единства національнаго сознанія. Разумѣется, и то и другое в н е з а п н о произойти не можетъ и, слѣдовательно, нужно найти еще какіе то факторы, которые своимъ дѣйствіемъ в д р у г ъ превращаютъ социальную и культурную эволюцію въ революціонный вихрь, ибо и рожденіе новыхъ классовъ и разложеніе общенациональнаго сознанія сами по себѣ суть процессы длительные, а не вихреподобные. А кромѣ того революціи происходили и независимо отъ указанныхъ Степуномъ факторовъ. Июльская революція 1830 г. не была связана съ выступленіемъ новаго класса. Если бы нашъ авторъ сказалъ на это, что то и не была революція, а только бунтъ, мы отвѣтили бы: вольно же автору, выставляющему опредѣленія, не обнимающія всего изучаемаго ряда явленій, просто на просто произвольно выкидывать изъ этого ряда всѣ тѣ явленія, которыя подъ его опредѣленіе не подходятъ. Такимъ путемъ можно съ большимъ удобствомъ перекраивать подлежащій изученію матеріалъ, въ угоду искусственнымъ схемамъ. Но вѣдь цѣнность схемы всего менѣе измѣряется соображеніями подобнаго удобства. Что касается единства національнаго сознанія и его разложенія, то и тутъ прежде всего надо точно установить, о чемъ идетъ рѣчь. Авторъ поясняетъ это слѣдующимъ примѣромъ: — «православные мужики, апеллирующіе поджогами усадебъ къ справедливости царя противъ засилья помѣщиковъ, вмѣстѣ съ ними, мужиками, вѣрующими въ Бога и царя — бунтари, но не революціонеры. Рабочій же марксистъ, разстрѣливающій изъ пулемета икону, какъ символъ ненавистной богопомзанности царей - преступниковъ, — революціонеръ, а не бунтарь».

Итакъ, основа единства національнаго сознанія сводится къ единству понятій религіозныхъ и къ единству представленій о верховномъ носителѣ власти. Гдѣ это единство на лицо, тамъ нѣтъ революціи, гдѣ оно нарушено, тамъ то и неизбѣжна революція.

Намъ кажется, что понятіе единства національнаго сознанія — весьма произвольно сужено нашимъ авторомъ. Пускай въ прежнія времена крестьяне и помѣщики одинаково вѣрили въ Бога и одинаково признавали царя

(впрочемъ, одинаковость и въ томъ и въ другомъ случаѣ подлежить существеннымъ оговоркамъ). Но вѣдь не станеть же нашъ авторъ отрицать, что при всемъ томъ тѣ и другіе держались не только не одинаковыхъ, но прямо и рѣзко противоположныхъ понятій о правѣ собственности на землю. Такая-ли это мелочь, чтобы, не обращая на нее вниманія, говорить о единствѣ національнаго сознанія въ тѣ времена, когда еще не было ничего слышно о возстаніяхъ на Бога и царя? Очень хорошо извѣстно, что разномысліе о землѣ вырывало бездну между міросозерцаціемъ барина и мужика и превращало ихъ въ представителей двухъ смертельно враждебныхъ становъ. Итакъ, единства національнаго сознанія тогда уже не было, а революціи все же не происходило. А съ другой стороны, какъ это уже было указано М. В. Вишнякомъ, развитие великой французской революціи опиралось не на разрывъ, а какъ разъ на сцѣпленіе національнаго сознанія и это сцѣпленіе революціи не предотвратило.

Такъ извилисты и многообразны бываютъ подлинныя пути исторической дѣйствительности, легко выравнивающиеся въ прямолинейный порядокъ лишь въ схемахъ, декретуемыхъ на бумагѣ краснорѣчивыми мыслителями.

Сводя сущность революціоннаго процесса къ борьбѣ идеологій и оставляя совсѣмъ въ сторонѣ борьбу интересовъ, Ф. А. Степунъ дѣлаетъ попытку изслѣдовать, какъ бы сказать, механику этой борьбы идеологій въ вихрѣ революціи. По его объясненію революція происходитъ тогда, когда въ общественномъ сознаніи изсякаютъ убѣжденія, органически выросшія изъ жизни (по терминологіи Степуна, это суть — и д е и), и на ихъ мѣсто выступаютъ мертвенныя, искусственно сочиненныя, непримѣнимыя, фантастически-утопичныя хитросплетенія умственныхъ выдумокъ (по терминологіи Степуна это суть — идеологіи)*). Тогда-то и начинается закручиваться революціонный вихрь. Дѣло начинается съ того, что живыя идеи умерщвляются искусственной идеологіей реакціонеровъ - охранителей. Желая охранить незыблемость традицій, эти господа вынимаютъ изъ охраняемыхъ ими

---

*) Признаемся, намъ непонятно, зачѣмъ понадобилась автору эта искусственно-хитросплетенная терминологія, расходящаяся съ обычнымъ словоупотребленіемъ.

традицій душу и доводятъ ихъ до каррикатуры. Тогда въ прямой противовѣсъ этимъ реакціоннымъ выдумкамъ нарождаются выдумки революціонныя, столь же мертвенныя по своей искусственности, столь же каррикатурныя по своей фантастичности. Схватка не на жизнь, а на смерть двухъ утопій, — реакціонной и революціонной, — и есть революція. Это — не борьба жизни съ мертвечиной, это — борьба двухъ мертвецовъ, обусловливающая появленіе всѣхъ гнилостныхъ процессовъ революціи. Казалось бы, изъ соединенія двухъ минусовъ не можетъ произойти никакого плюса. Казалось бы, встрѣча двухъ борющихся мертвецовъ можетъ породить только разложеніе и смерть. Ф. А. Степунъ судитъ иначе. Онъ заявляетъ, что въ этомъ революціонномъ хаосѣ въ сущности «совершается гнѣвное вторженіе абсолютнаго въ историческую жизнь». Мертвецы пожирають другъ друга, а живымъ людямъ въ этой трагедіи открывается религіозный смыслъ абсолютныхъ цѣнностей, презрѣнныхъ и попранныхъ человѣческимъ безуміемъ. Въ этомъ и состоитъ религіозный смыслъ революціи.

Легко замѣтить, что весь этотъ схематическій рисунокъ навѣянъ автору недавними его переживаніями и впечатлѣніями. Но — почему эту повѣсть о недавнихъ переживаніяхъ и впечатлѣніяхъ автора читатель долженъ принять за типологическую конструкцію «революціи вообще»? Исторія знаетъ революцію, исходная идеологія которой оказалась настолько могуче-жизненной, что ея обаянія не могли разрушить самыя отталкивающія искаженія ея началъ, допущенныя въ революціонной практикѣ. Конечно, я разумѣю великую французскую революцію. Принципы 1789 г. проистекли не изъ бреда «бумажныхъ идеологій, никакимъ золотымъ фондомъ идейно-подлинныхъ переживаній не обезпеченныхъ», каковыми, по заявленію Степуна, являются всѣ предреволюціонныя идеологіи. Эти принципы проистекли изъ мощнаго умственнаго движенія, оплодотворившаго человѣческую мысль столь осповательно, что и по сіе время мыслители и народы все еще питаются благостынями съ пиршественнаго стола этихъ идей.

Какъ ни настаиваетъ нашъ авторъ на томъ, что типологическая конструкція историческихъ процессовъ можетъ очень сильно отдаляться отъ конкретныхъ чертъ исторической дѣйствительности, все же это отдаленіе не можетъ простирается такъ безпредѣльно, что, на примѣръ, изъ ти-

пологіи революціи оказываются устраненными существенныя черты революціи 1789 г.

Позволю себѣ высказать въ заключеніе нѣчто такое, что въ глазахъ Ф. А. Степуна явится вѣроятно еще большею ересью. Я думаю, что и во имя потребностей науки и во имя потребностей нашего насущнаго дня надо поставить на очередь не малоплодотворное изученіе «революціи вообще», а какъ разъ классификацію и сравнительное изученіе конкретныхъ революцій во всемъ ихъ многообразіи. Надо изучать не революцію, а революціи, — и при томъ не только въ ихъ сходствѣ, но и въ ихъ различіяхъ, ибо революціи бывали разныя и затушевывать ихъ различность значитъ и ослаблять поучительность этого изученія и обречь себя на рискъ слишкомъ эфемерныхъ обобщеній.

А. Кизеветтеръ.